

ПОЧЕМУ ПРАВЕДНИКИ ВОССИЯЮТ КАК СОЛНЦЕ

— Есть притча, где рассказывается о том, как человек посеял доброе семя на своем поле, а потом вместе с добрыми ростками выросли и плевелы. И эти плевелы не нужно вырывать раньше времени, чтобы не вырвать вместе с ними и хороших ростков. Христос объясняет, что доброе семя — это сыны Царства. Что это значит? Чем они отличаются от сынов лукавого?

Свящ. Георгий Кочетков: Сыны Царства — это те, кто отдаёт своё сердце Богу на служение, кто забывает о себе, преодолевает эгоизм, гордыню, превозношение, забывает о своих удовольствиях и выгодах. Сыны Царства — это прежде всего те, кто находится в постоянном общении с Богом, кто имеет в себе любовь и огонь Духа, кто крещен Духом Святым, т.е. погружен в Его силу и свет. И это — самое главное. Таких людей Господь ищет и поддерживает как Своих чад и дарует им все дары любви в церкви через Духа Святого. Поэтому отличить их от сынов мира сего очень просто: всё, что этому не соответствует, связано прежде всего с мирским миропониманием, с только лишь мирским бытием. Вот и всё.

— В Евангелии есть загадочная фраза: «Всякий книжник, наученный Царству Небесному, подобен хозяину дома, который выносит из сокровища своего новое и старое». Что подразумевается под сокровищем новым и старым, и что значит «наученный Царству Небесному»?

О. Георгий: Люди учатся Царству Небесному — а значит, и его тайнам. Они как бы приобщаются к его внутренней силе и логике, к его внутренней жизни и приоритетам. Человек, наученный тайнам Царства Небесного,

Святые Сергей и Вахх. VII век. Монастырь святой Екатерины на Синае.

уподобляется книжнику. Кто такой книжник? Это человек, приобщённый к мудрости, т.е. к Божественному закону, к различению добра и зла: он научился различать, что соответствует воле Божией, закону Божьему, а что не соответствует. И вот такой человек, который является как бы богословом, мудрецом, гностиком, выносит из сокровищницы сердца своего и старое и новое, то есть использует и то, что было раньше открыто Богом, и то, что открывается сейчас, и особенно то, что открывается во Христе. И это действи-

тельно нас приводит на путь обретения Небесного Царства.

— «Праведники воссияют как солнце в Царствии Отца». Понятно, что это метафора, но о чём она говорит?

О. Георгий: То, что праведники воссияют как солнце, это правильно. Дело в том, что праведники в новозаветной традиции и воспринимаются, прежде всего, как носители Света божественной Любви, божественного Духа, божественного Огня. Праведники — это не те, кто своей собственной человечес-

кой праведностью пытается умиливать Бога и пройти по пути спасения, а те, кто обретает этот Огонь, палящий многочисленные человеческие согрешения, освобождающий от ответственности за них, от их последствий. Все мы много согрешаем, это ни для кого не секрет. Но очень важно иметь внутри себя тот огонь, который палял бы весь постоянно налетающий на нас «хворост» грехов и согрешений. Исключением здесь являются лишь тяжёлые, смертные грехи. За людей, имеющих такие грехи, «согрешающих к смерти», как говорит апостол Иоанн, даже молиться уже трудно, даже невозможно.

Поэтому здесь, собственно, проблемы нет. Праведники — это те, кто вмещает в себя дары Божии, у кого сердце открыто и расширено. Это не те, кто просто кажется пред людьми праведным, кто угождает людям, кто «принят во всех отношениях», как дама известного сорта. Многие ведь, к сожалению, считают, что праведник — это тот, кто похож на такую даму. А на самом деле это не так. Откровение праведности и справедливости в Новом Завете — это совершенно удивительное, величайшее откровение, которое сильно отличается даже от мужественных образов Ветхого завета. И очень важно, чтобы мы поняли, что праведники в Новом завете — это те, кто действительно, становятся светильниками в этом мире и сияют как солнце, как звёзды, хотя и отличаются друг от друга во славе, т.е. в силе этого сияния. И это вновь и вновь приобщает к Небесному Царству настоящих праведников и является для них путём не только спасения, но и преображения себя и мира.

ВСЕ ДОБРОЕ, ИСТИННО ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ХРАНИТ В СЕБЕ ИСКРУ БОЖИЮ

23 апреля 2008 г. исполнилось 140 лет со дня рождения митрополита Евлогия (Георгиевского).

К этой дате мы публикуем фрагмент из автобиографической книги «Путь моей жизни»

Самая упорная борьба всей моей жизни была за свободу Церкви. Светлая, дорогая душе моей идея... Я боролся за нее со всеми, кто хотел наложить на нее руку, не отступая перед тем, откуда угроза надвигалась, справа или слева, от чужих или от своих; и так же независимо, справа или слева, готов был принимать сторонников и соратников в стан борцов за Церковь. Приходилось отстаивать свободную церковную мысль, творчество, конечно, при условии, что оно было утверждено на неизблемых началах Слова Божия и Церковного Предания. Церковное творчество есть высший показатель церковной жизни, ее развития, расцвета. Истину Христову я привык воспринимать широко, во всем ее многообразии, многогранности. Узкий фанатизм мне неприятен и неприятен, и полемика, утверждающая «кто не с нами, тот против нас...», мне кажется, противоречит духу Святого Евангелия. Я ишу искру добра везде в этом бесконечном, необъяснимом Божиим мире. Так, например, будучи убежденным монахом, я понимаю и чту христианскую семью, и резко отрицательные суждения митрополита Антония о семейной жизни я всегда

выслушивал со скорбью. Все доброе, истинно человеческое хранит в себе искру Божию и не должно быть нам чуждо. Может быть, этой обращенностью души моей к миру, желанием понять душу каждого человека, найти Бога — и объясняется моя любовь к природе, искусству, литературе и вообще ко всякой красоте в жизни. Нередко меня спрашивают: «Как, вы до сих пор читаете романы?» Я смущенно отвечаю: «Да, читаю...» И верно, люблю следить за литературой, стараюсь не пропустить очередного тома «Современных Записок». Может быть, в этом погрешаю, ибо мне подобает отдавать свои досуги церковным писаниям духовной литературы. Я считаю светскую литературу одним из великих средств для воспитания человеческой души, почти столь же действенным, как природа, а ведь религиозно-воспитательное значение природы огромно. Как жаль, что современный человек все дальше и дальше отходит от природы! И как грубеет, черствеет душою, когда он лишается этого светлого, возвышенного и облагораживающего влияния в больших городах с фабриками и заводами, со всеми их техническими усовершенствованиями, со

всем прославленным комфортом! Я так всегда ценил патриархальную простоту провинциальной жизни! Быть может, я даже склонен ее идеализировать, но я предпочел бы тихий русский провинциальный городок, село или деревню — стоящим на вершине современной культуры и цивилизации Парижу или Лондону; там, в тишине и простоте житейского уклада, лучше познается и раскрывается таинственная глубина человеческой души. А тут?.. Выйдешь на авеню Ваграм: светящиеся рекламы, разноцветные грубые огни, звонки кинематографов и эта вечно куда-то спешащая, суетящаяся, ко всему равнодушная, кроме своих личных эгоистических интересов, толпа... В такой суете трудно мыслям сосредоточиться и впечатления скользят по поверхности жизни, а душою овладевает какая-то безотчетная грусть, тоска... Люблю я и русскую народную старину, и наш народный, православный быт. Меня когда-то называли «мужицкий архиерей». Это прозвище я любил, оно отвечало моему тяготению к народу: церковным «народничеством» я всегда немного болел.

Продолжение на с. 2

Продолжение. Начало на с. 1

Люблю благолепие нашего несравненного русского православного культа, чудесные песнопения, красивые облачения, торжественные архиерейские службы... Я готов носить заплатанную рясу и жить в самой скромной обстановке, но в Церкви люблю благолепие, ревниво отношусь я и ко внутреннему убранству храмов, люблю, когда на всем лежит печать художественного вкуса.

Мой интерес к людям и ко всему, что в мире есть значительного и прекрасного, связан в своих корнях, как я уже сказал, с чувством свободы, которая для меня настолько живая действительность, что я не представляю себе ни христианские отношения к миру, ни пастырства вне блюдения этой драгоценнейшей традиции православия. Внешнее право, закон... — значение этих основ жизни я преувеличивать не склонен. Государство строится на юридической основе — на праве, а Церковь отводит юридическим отношениям ограниченное место; область Церкви не право, а Правда, праведность. «По нужди и закону пременение бывает», — говорит великий апостол Павел (к Евр. 7,12). Не человек для субботы, а суббота для человека; если нужно, можно в субботу и колодыми пользоваться. Какие чудные страницы отведены наставлениям о свободе в Евангелии: о превосходстве благодати над ветхозаветным законом, животворящего духа — над мертвящей буквой! Случается мне иногда не останавливаться перед строгим блюдением церковно-юридических требований. Вот, например, больной вопрос о расторжении брака. Иногда

да разводу жизнь ставит неодолимые препятствия. Нет нужных документов, и достать их нельзя из советской России (из «Загса»), нет и денег, чтобы заплатить за издержки, а супруги, оказывается, уже лет 15-20 тому назад расстались и теперь обзавелись новыми семьями. В этих случаях, для избежания незаконного сожительства, я даю развод, даже с нарушением строгой буквы закона. Не обвиню я и священника, если он когда-нибудь по нужде кого-нибудь повенчает без соблюдения некоторых формальностей (в запечатанном конверте храня до времени свидетельство о браке). Я не враг закона, не анархист, но я и не раб закона. Одно рабство допустимо, говорит апостол Павел, — рабство Господу, но это рабство есть высшая свобода, ибо раб Божий есть его сын во Христе. И тут иногда я получаю укоризненные письма: что вы смотрите! что делаете! Обер-прокурор по вас плачет!.. Обратите внимание — профессор вашего Богословского Института Федотов намеревается читать лекцию «Евреи и христианство» и т.д. А нападки на о. Сергия Булгакова? У «карловчан» не нашлось для него ни одного доброго слова, только осуждение: гордец! еретик! осудить! запретить!.. и проч. Разве такое беспощадное, жестокое, фарисейское отношение есть подлинное христианство, церковный подход к человеку? Не из страсти противоречия, не из желания снизить популярность защищая я о. Сергия Булгакова, а потому, что знаю драгоценнейшие качества этого одаренного, высокодуховного пастыря.

Надо беречь внутреннюю, духовную свободу Христову и от политических посягательств на нее, и от уз формального восприятия Правды Божией. Однако

«свобода», «терпимость» не значат попустительство греху. Как прекрасно говорит об этом святой апостол Павел (Гал. 5,13)! Надо помнить, что в этом отношении существует грань непреходимая.

...В заключение скажу, что в своей церковно-административной деятельности я мало руководствовался заранее установленной программой, а отвечал религиозным насущным потребностям данного дня: «Довлест днви злоба (забота) его...» — говорит Христос. Считаю терпение огромной творческой силой: надо уметь ждать, когда из посеянного в землю семени покажутся ростки, и тогда, благословив эти прозябания, надо всемерно помогать им расти, согреть их теплотою любви и молитвы; но и тут нужно терпение: процесс роста таинствен, искусственно понуждать к быстрому произрастанию бесполезно, только помешаешь; можно лишь стараться создавать благоприятные для развития условия. Все живое в Церкви так рождается, так растет, цветет и плод приносит. Это великая тайна Церкви... Она ограничивает область личного творчества и инициативы пастыря, но и углубляет возлагаемую на него ответственность за все, что стремится пробиться к жизни и ожидать — как ждет брошенное в землю семя теплого дождя и ясного солнца — благословения и поддержки. Вне церковной свободы нет ни живой церковной жизни, ни доброго пастырства. Я хотел бы, чтобы мои слова о Христовой Свободе запали в сердца моих духовных детей и чтобы они блюли и защищали ее от посягательств, с какой бы стороны угроза ни надвигалась, памятуя крепко, что духовная Свобода — великая святость Святой Церкви.

БЕРЕГ УТОПИИ

В московском РАМТе (вслед за Лондоном и Нью-Йорком) поставлена трилогия Тома Стоппарда¹ о жизни и исканиях русских революционеров, в центре которой самое светлое имя среди русских революционных мыслителей — Александр Иванович Герцен.

А.И. Герцен

В трилогии, охватывающей более 30 лет исторического времени и более 9 часов сценического, выведены буквально до боли знакомые всякому, кто хоть немного застал советскую школу, персонажи: Бакунин, Станкевич, Белинский, Чаадаев, Тургенев, и конечно же, неразлучные Герцен с Огаревым. (Стоит заметить: пьеса переведена и поставлена с большой любовью — текст уточнялся в процессе постановки, за которым внимательно следил автор, — с элементами гротеска, необходимого в театре, но без всякой карикатурности.) Повествование начинается с идиллии дворянского гнезда в имении Бакуниных в те годы, когда встает на ноги новая разбухшая декабристами, штудировавшая Шеллинга, романтическая и несмелая с дамами молодежь, а заканчивается эмигрантской опустошенностью, когда этих людей, отстаивавших свободу крестьян и ставших учителями целых поколений, теснят со сцены куда более кровавые бунтари и куда более тиранническая реакция.

По Стоппарду именно это время было наиболее плодотворным для русской общественно-политической мысли и главное по-человечески доброкачествен-

ным — время, когда у России, в отличие от отгрезившей революциями Европы, еще был «ход в запасе». Эти люди были уже не только философствовавшими барями, — хотя Тургенев и изображен ярким продолжателем этой самой традиции, — и еще не оторванными от всяких корней и привязанностей разночинцами и сокрушителями устоев, так что даже неистовый Бакунин, уже будучи вождем мирового анархизма, и не забывает по старой дружбе стрелкнуть у Тургенева пистолетку на извозчика. Любовная чехарда в семье герценов-огаревых неотделима от их общественной деятельности и от их идейных исканий. Человеческая драма и драма идей переплетены настолько тесно, что идеи проживаются с самым искренним интересом. Не сбиваясь на карикатурный рассказ о любовных похождениях людей-памятников и, в то же время, удерживаясь от плоской злободневности с намеками на «лондонских сидельцев» и укрепления вертикалей, пьеса говорит о России как месте, где мысль и слово действительно что-то значат, приобретают ценность религиозного подвига, изменяющего реальность. Часто они значат куда больше, чем реальность.

По словам самого Стоппарда, только в России сила утопической мысли достигла небывалой духовной высоты. И опасность у нее те же самые, что у всякого подвига: «Утопия кончается тогда, когда к ней примешиваются, ограничивая ее с разных сторон, страх и жадность». В пьесе об этом прекрасно говорит светский аскет Белинский, прекрасно воссозданный драматургом и сыгранный Евгением Редько, в ответ на робкое замечание Чаадаева об общественной цели литературы:

Пропави она пропадом, эта общественная цель! Нет, я имею в виду, что литература может заменить, собственно превратиться в... Россию! Она может быть важнее и реальнее объективной действительности. Когда у художника есть только идея, он всего лишь писак, может талантливый, но этого недостаточно, нам от этого не легче, если всякий раз при слове «Россия» мы начинаем смущенно ухмыляться и бергаемся как полоумные. «Россия. А, ну да, извините. Вы же сами понимаете — глухомань — не история, а варварство; не закон, а деспотизм; не героизм, а грубая сила, и вдобавок эти всем довольные крепостные!» Для мира мы лишь назидательный пример того, что следует избегать. Но великий художник способен все изменить... Когда при слове «Россия» все будут думать о великих писателях и практически ни о чем боль-

ше, вот тогда дело будет сделано. И если на улице Лондона или Парижа вас спросят, откуда вы родом, вы сможете ответить: «Из России. Я из России, жалкий ты подкидыш, и что ты мне на это скажешь?»

Мысль, которой не грозит утилитарность и прагматизм, обладает ни с чем не сравнимой силой. Она может стать чистой энергией созидания или, с меньшим успехом, разрушения. Единственное, что может уберечь от последнего — человеческая «доброкачественность» ее глашатая. Герцен Стоппарда именно *доброкачественный* человек, не изменяющий себе, но и не державшийся фанатически за свое, личность, слагающаяся из идей, страстей и привязанностей. «Берег утопии» заставляет вспомнить слова, обращенные к Герцену настоящим непридуманным Белинским: «Дейательные идеи и талантливые живое их воплощение — великое дело, но только тогда, когда все это неразрывно связано с личностью автора и относится к ней, как изображение на сургуце относится к выдавившей его печати. Этим-то ты и берись».

«Былое и думы» — книга сегодня незаслуженно обиженная, заведомо хрестоматийная и по сути снова непрочитанная. Совсем не случайно она была настольной книгой в еще одной семье русских «светских святых» — Чуковских. Драма русского изгнания, свободолюбия в атмосфере природного раболепства — извечная русская драма. В 1966 г. Лидия Чуковская отважилась писать в своей книге о «Былом и думам»: «Та мера морали и чести, которую Герцен прикладывает к людям, поднявшимся за правое дело, то требование высокой нравственной ответственности, которое Герцен предъявлял революционным борцам, — вот что живо и драгоценно для нас. Разве мы, люди XX века, не извели на собственных судьбах, к какому бесчеловечью приводит политика, когда она противоречит морали, и чего стоит мораль, когда она лишена конкретной социальной основы?» Спустя полвека Стоппард вновь увидел в этой книге очень важную правду о нашем времени, не только в российском, но и в общемировом контексте.

Николай ЭППЛЕ

¹ Сэр Том Стоппард (чех еврейского происхождения Томаш Штраус-спер), сам живой классик британской драматургии, знает толк в оживлении классики. В его пьесе «Розенкранц и Гильденстерн мертвы», переведенной на русский Иосифом Бродским, действие происходит там, куда уходят договорив реплику персонажи «Гамлета»; по его сценарию сняты оscarоносный «Влюбленный Шекспир» и киноманская «Бразилия» Терри Гиллиама.